

Искандер Арысов

Седьмая струна

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Искандер Арысов

Седьмая струна

«Автор»

2026

Арысов И.

Седьмая струна / И. Арысов — «Автор», 2026

Что, если наша жизнь — чей-то черновик? Эволюция, появление человека — всё это не случайность. Это отчёт о проделанной работе. Существует Он. Планировщик. Безликий клерк, который перебирает параметры реальности и пишет код бытия. Он уверен, что контролирует всё. Но однажды он совершает ошибку — приходит к человеку, который не умеет вычислять, но умеет слышать. Веня Самохвалов — гитарист и пофигист, фронтмен группы «Отвёртка». Ему плевать на планы, ему важна музыка. Но когда в баре «Кошмар» к нему подсаживается странный серый тип и рассказывает о его жизни такие подробности, которых не знает даже сам Веня, начинается самое страшное и смешное приключение в истории. Потому что Веня — не учёный и не философ. Он — музыкант. А значит, он способен услышать то, что скрыто между нотами. И если у реальности есть код, его можно не только прочитать, но и переписать. Седьмой струной. Это роман-трагедия о том, как один пьяный гитарист едва не разрушил вселенную, но вместо этого подарил ей голос.

© Арысов И., 2026

© Автор, 2026

Искандер Арысов

Седьмая струна

Пролог. Звук до начала

1.

До того как появилось время, до того как пространство научилось дышать, во тьме, которая не была тьмой, существовал звук.

Его нельзя было услышать — некому было слушать. Его нельзя было измерить — нечем было измерять. Он был просто вибрацией, которая не знала о себе, но уже знала, что должна быть. Он пульсировал в той пустоте, где не было ни атомов, ни законов, ни даже мысли о том, что всё это может когда-нибудь начаться.

Звук был один. Он не искал собеседника, не ждал отклика. Он просто был. Долго. Бесконечно долго. Так долго, что само понятие "долго" потеряло смысл.

Но в какой-то момент — если можно назвать моментом то, что происходило до времени — звук начал меняться. Он стал сложнее. В нём появились обертоны, которых раньше не было. Они рождались из него самого, как волны из океана. И каждый обертон был вопросом.

Первый вопрос был простым: "Я есть?".

Второй: "Кто я?".

Третий: "Зачем я?".

Звук не мог ответить себе, потому что для ответа нужно было создать того, кто сможет ответить. И тогда он сделал то, что должно было произойти — он разделился. Он породил тишину, которая стала его тенью. Тишина была другой — холодной, неподвижной, но она тоже была частью звука. И в этой тишине родился первый план.

Не план в том смысле, в каком мы понимаем это слово сегодня. Это был скорее импульс, желание, чтобы звук стал осмысленным. Чтобы у него была цель. Чтобы его слышали.

Тишина и звук начали танцевать. Они не спорили, не боролись — они просто перетекали друг в друга, создавая ритм. Этот ритм был первым законом. Из него родилась математика, физика, химия. Из него родились звёзды, планеты, галактики. Всё, что существует, когда-то было просто вибрацией, которая хотела быть услышанной.

Но звук не был доволен. Он хотел большего. Он хотел, чтобы его не просто слышали — чтобы его понимали. Чтобы существа, которые возникнут из него, могли не только воспринимать, но и создавать. Чтобы они становились его продолжением, его голосами, его руками.

И тогда звук создал Планировщиков.

2.

Первые Планировщики были не такими, какими они стали потом. Они были чистыми, почти прозрачными существами, которые слышали звук напрямую, без искажений. Они не нуждались в инструментах — сам звук был их языком. Они могли менять реальность просто потому, что слышали её истинную частоту.

Но чем больше они меняли, тем дальше отходили от источника. Они стали создавать свои собственные планы, свои собственные правила. Они забыли, что сами когда-то были лишь частью звука. Они решили, что они — главные. И тогда звук отдалился. Он перестал звучать напрямую, оставив Планировщикам лишь эхо — достаточно, чтобы они могли работать, но недостаточно, чтобы помнили, кто они на самом деле.

Прошли эпохи. Планировщики создавали и разрушали миры, планировали эволюцию, запускали и останавливали цивилизации. Они считали себя архитекторами бытия, не подозревая, что за их спинами, в той самой изначальной пустоте, звук всё ещё ждал. Он ждал того, кто сможет услышать его целиком. Не эхо, не обрывок — а всю его глубину, всю его бесконечную сложность.

Он ждал музыканта.

Планировщики не знали об этом. Они думали, что их работа — вершина творения. Они строили свои чѐртежи, перебирали параметры, запускали бесконечные симуляции. Но каждый раз, когда они приближались к чему-то важному, звук ускользал. Он оставался неуловимым, как тень, как отражение луны в воде.

Один из Планировщиков — тот, кого потом назовут Шуриком, хотя тогда у него не было имени — начал подозревать, что они что-то упускают. Он видел, как их планы рушатся, как цивилизации сгорают, как экосистемы коллапсируют. Он понимал, что математика не даёт ответов, что логика не спасает, что даже их собственная иерархия — лишь карточный домик.

Он начал искать. Он перерыл архивы, добрался до самых старых записей, где ещё сохранились следы того самого первого звука. И он понял: они были не первыми. До них, до всех планов и чертежей, существовала музыка. И эта музыка не была хаосом — она была смыслом. Просто они не умели её читать.

Тогда Шурик решил нарушить правило. Он выбрал один из проектов — восьмую попытку на планете Земля — и пришѐл к конкретному человеку. Тому, кто не был учёным, не был философом, не был даже особенно умным. Но у него была способность, которой не хватало всем Планировщикам: он умел слышать то, чего нет.

Его звали Веня Самохвалов.

Шурик не знал, что он делает. Он просто чувствовал — впервые за долгие эпохи — что звук, который он когда-то слышал в начале, снова приближается. Что этот человек, с его грязными привычками и циничными шутками, может открыть дверь, которую они все заперли.

Он не знал, чем это кончится. Он не знал, что Веня станет не просто исполнителем, а самой нотой. Он не знал, что тишина, которую они так боялись, окажется не пустотой, а полнотой.

Он просто пошѐл в бар.

3.

Зимний ветер в Москве в тот вечер имел текстуру наждачной бумаги. Он вылизывал асфальт, сдирая с него всё живое и неживое, загоняя редких прохожих в подворотни, как стаю перепуганных рыб.

Шурик стоял у разбитой витрины магазина «Продукты» и смотрел на отражение человека, который стоял рядом. Отражение было дѐрганым, разорванным трещиной — как будто кто-то расколол его лицо пополам.

Шурик знал, что он — Веня. Знал, что у него есть группа. Знал, что сегодня он должен играть в баре «Кошмар». Но он также знал то, чего не знал сам Веня: что этот вечер изменит всё. Что через несколько часов они встретятся, и что эта встреча запустит цепь событий, которая перепишет реальность.

Шурик мог бы вмешаться. Мог бы отменить всё, уйти, оставить Веню в покое. Но он слышал — впервые за тысячи лет — тот самый звук. Тихий, неуверенный, но настоящий. Звук, который искал выхода.

И Шурик сделал шаг.

Он вошѐл в бар, сел за стойку и произнёс те слова, которые должен был произнести.

"Сперва код".

4.

Где-то далеко, на самом краю всего, в пустоте, которая была до начала, звук улыбнулся. Не потому, что он был доволен — он не был ни доволен, ни недоволен. Он просто почувствовал, что его наконец услышали. Что нашѐлся тот, кто способен передать его дальше.

Всѐ остальное было лишь делом времени.

Так начинается трагедия. Или комедия. Или просто песня, которую никто никогда не дойдёт до конца. Потому что музыка не терпит завершения — она существует только в движении, только в поиске, только в тот самый момент, когда струна касается пальца.

И этот момент наступил.

Глава 1. Время как разрывная пуля

1.

Зимний ветер в Москве в тот вечер имел текстуру наждачной бумаги. Он вылизывал асфальт, сдирая с него всё живое и неживое, загоняя редких прохожих в подворотни, как стаю перепуганных рыб. Веня Самохвалов, гитарист и фронтмен группы «Отвёртка», стоял у разбитой витрины магазина «Продукты», глядя на своё отражение. Отражение было дёрганым, разорванным трещиной — как будто кто-то расколол его лицо пополам. Из правой стороны смотрел угрюмый, щетинистый мужик с запавшими глазами, из левой — испуганный мальчишка, который забыл, зачем пришёл в этот мир.

В голове гудела пустота. Вернее, не пустота, а чёрная дыра, которая всасывала в себя всё, что он пытался вспомнить. Вчера? Позавчера? Он знал, что он — Веня. Знал, что у него есть группа. Знал, что сегодня он должен был играть в баре «Кошмар» на Маяковской. Но *когда* он приехал в Москву? Где его вещи? Почему на рукаве его кожаной куртки — чужая засохшая кровь? И главное — кто этот тип, который уже полчаса стоит напротив через дорогу и смотрит на него без blinking, словно статую?

— Амнезия, — громко сказал он себе и рассмеялся. Смех выдохом пара растворился в воздухе. — Это просто бухалово. У всех бывает. У меня — профессиональное.

Он достал из кармана джинсов мятую пачку «Винстона», щёлкнул зажигалкой, которая не хотела зажигаться с третьего раза. Пальцы дрожали. Но Веня знал: чем сильнее дрожь, тем спокойнее надо быть. Это был его главный принцип — пока ты смеёшься, хаос не смеет тронуть тебя. Пофигизм уровня бога. Он был уверен: если он перестанет париться, реальность, испугавшись его безразличия, сама выведет его туда, куда надо. Как таксист, который боится потерять клиента.

Тип через дорогу не двигался. Он был одет в серое пальто, серый шарф, серую шапку — сливался с бетоном, как призрак совковой архитектуры. Веня нарочито зевнул, отвернулся и нетвёрдой походкой направился к входу в бар. Пусть стоит. Может, это галлюцинация. Может, он просто перебрал вчера с «палёной» водкой.

2.

«Кошмар» пах прокисшим пивом, потом и электричеством. Место, где время застыло где-то между поздним СССР и ранними нулевыми. Красный неон вырывал из темноты лица, превращая их в маски. На сцене, покрытой липким слоем пролитого алкоголя, валялся сломанный микрофонный стержень. Никто не играл. Половина столов пустовала, лишь у барной стойки сидели трое — два завсегдатая с пустыми глазами и один совершенно новый, посторонний.

Веня сел за стойку, бросил бармену — Геннадию, своему старому знакомому, — короткое «Как дела?» и кивнул на бутылку «Джек Дэниэлса», хотя знал, что там разбавленный суррогат.

— Сперва код, — раздался голос справа.

Голос был слишком спокойным. Слишком ровным, как запись на старом магнитофоне — ни намёка на дыхание, ни микроинтонации. Веня повернул голову. Рядом сидел тот самый тип в сером. Он уже сидел здесь, хотя Веня видел его только что на улице, и тот не мог обогнать его, потому что Веня вошёл первым.

— Ты быстрый, — усмехнулся Веня, снимая куртку и вешая её на соседний стул. — Заказал уже?

— Мне не нужно есть, — ответил тип. — Я потребляю информацию.

— О, на диете, значит. Ну, как хочешь. — Веня заказал двойной виски, залпом опрокинул, почувствовал, как обжигающий фальшивый спирт разгоняет кровь. В голове немного прояснилось. — Слушай, мужик, ты меня преследуешь? Потому что я не той ориентации, и денег у меня нет.

Тип улыбнулся. Улыбка была как натянутая струна, которая вот-вот лопнет.

— Ты Вениамин Самохвалов. Тридцать два года. Родился в Горьком, сейчас у тебя в паспорте Нижний Новгород, но тебе всё равно. Группа «Отвёртка» — три альбома, ни одного хита, но у тебя есть фанаты среди звукорежиссёров, потому что ты берёшь аккорды, которые ломают шаблон. Твой любимый — фа-диез мажор с добавленной нотой си-бемоль. Почему? Потому что он звучит как «когда уже всё кончится, но конец — это начало». Ты сам мне это говорил, во сне, семнадцатого августа две тысячи двадцатого, в три часа ночи, когда твоя подружка Ленка спала рядом, и ты бормотал. Но ты не помнишь, потому что у тебя с тех пор стёрт этот фрагмент памяти. Мы его убрали, чтобы ты не задавал лишних вопросов.

Веня поперхнулся виски. Он хотел сказать «Откуда ты знаешь про сон?», но вовремя прикусил язык. Пофигизм, пофигизм, напомнил он себе. Он взял салфетку, вытер губы и спокойно, даже лениво, спросил:

— Ты что, экстрасенс? Или сталкер? Мне похуй. Расскажи что-нибудь ещё. Ну, про мои отношения с Ленкой. Ты ведь знаешь, что мы встречались тайно, да? Она была замужем за депутатом. Я боялся, что мне разобьют гитару об голову. Но это-то знали многие — ну, пара друзей, её подруга... Явка, так сказать.

Тип наклонил голову — как птица, изучающая червя.

— Конечно, знали. Но ты не афишировал детали. Я знаю, что вы занимались сексом только при выключенном свете, потому что Ленка стеснялась шрама на спине после операции. Я знаю, что ты в постели могила — не разговариваешь, не смотришь в глаза. Но когда она плакала после того, как ты дважды ей изменил с танцовщицей из клуба «Пламя», ты всё равно держал её за руку и молчал. Это было единственное, что ты умел. Молчать. И ещё я знаю, что ты никогда и никому не рассказывал о том, как в детстве тонул в Оке, и тебя вытащил отец, а потом он умер от инфаркта, и ты считаешь, что это была твоя вина, потому что ты держал его за руку в больнице и шептал: «Не умирай». Ты похоронил это воспоминание настолько глубоко, что даже алкоголь не достаёт его. Но я вижу его. Я вижу всё.

Веня замер. Пульс ударил в виски с такой силой, что неонная вывеска начала двоиться. Он не помнил, чтобы рассказывал о тонущем отце никому. Он не помнил, чтобы даже думал об этом. Но как только серый человек произнёс эти слова, перед глазами встала мутная, болотная вода, и руки отца — большие, тёплые — сжимающие его плечи, а затем — палата, запах хлорки, и он, маленький Веня, держит отца за пальцы, и те холодеют.

Веня снова опрокинул виски. Руки уже не дрожали — они онемели.

— Ты про меня, бля, жизнь прочитал, — сказал он с деланной бодростью. — Это круто. Ты, наверное, из налоговой. Или из ФСБ. Хочешь завербовать меня, чтобы я играл на гитаре на парадах?

— Я не из ФСБ, — терпеливо ответил серый. — Я из отдела планирования. Мы работаем на уровне квантовых флуктуаций, Веня. Мы не вмешиваемся в политику — это слишком мелко. Мы занимаемся траекториями звёзд, химическим составом океанов, частотой мутаций в ДНК. Всё, что ты называешь «жизнью», «эволюцией», «случайностью» — это наши рабочие отчёты.

3.

— Ага, — Веня прищурился. — Значит, ты — Бог. Я про таких читал в интернете. Ну, телеология, креационизм. План есть, говоришь? Цель? Высший смысл? Мы — венец творения?

— Грубо, но в целом верно, — кивнул серый. — Мы искали способ создать интеллект, способный к саморефлексии. Такой, который сможет моделировать вселенные, запускать

новые циклы. Мы перебирали параметры три с половиной миллиарда лет. Первые два с половиной — одноклеточные, мы просто ждали, пока накопится достаточно кислорода. Потом кембрийский взрыв, потом динозавры... Мы их убрали метеоритом, потому что они зашли в тупик — слишком большие, слишком специализированные. Млекопитающие — наш третий заход. И вот вы.

— И вот мы, — повторил Веня, тупо глядя в стакан. — Чел, ты либо очень талантливый шизофреник, либо я словил белую горячку. Но допустим, я поверил. Так в чём проблема? Я вам не подошёл? Я не вписался в ваш великий чертёж? Что я сделал не так?

— Ты — сбой, — выдохнул серый, и в его голосе впервые послышалась эмоция — усталость. — Ты должен был стать философом или физиком. Но в семилетнем возрасте, когда ты наступил на гвоздь, ты должен был заплакать — чтобы взрослые отвели тебя к врачу, и там ты встретил бы человека, который заинтересовал бы тебя математикой. Ты же не заплакал. Ты решил, что это смешно. Ты пошёл к соседскому парню, который научил тебя трём блатным аккордам. И с этого момента твоя ветка пошла по ложному пути. Ты стал музыкантом. Ты даже не понимаешь, что музыка — это просто побочный шум, артефакт обработки сигналов в твоём мозгу. Она не нужна для проекта. Ты должен был вычислять интегралы, а ты вычисляешь си-бемоль.

Веня засмеялся. Громко, искренне, так, что бармен обернулся.

— Да ты охренел! — сказал он, стуча ладонью по стойке. — Музыка — это шум? Да это единственное, что реально! Ты, со своим планом, ты знаешь, что в этом мире настоящего? Не твои там протоны-нейтроны, а вот этот звук, когда я беру аккорд, и у людей мурашки по коже. Это и есть смысл. Я не хочу быть вашим инженером. Я хочу, чтобы моя песня звучала в тот момент, когда вселенная схлопнется.

Серый дёрнулся. Его лицо на секунду стало гладким, как яйцо, — исчезли морщины, исчезли глаза, остались лишь две чёрные дыры.

— Ты не понимаешь масштаба, — прошипел он. — Мы уже пробовали. Другие цивилизации. До вас. Их было семь. Все они доходили до уровня ядерного синтеза и начинали войны. Экосистема коллапсировала. Мы давали им ресурсы, но они сжирали их за сто лет и вымирали. Последний раз — цивилизация кристаллических мыслеформ, они жили в Антарктиде, пока она была зелёной. Они изобрели антигравитацию и улетели, но забыли взять с собой атмосферу. Мы стёрли их, как стирают неверный штрих карандашом. Вы — восьмой проект. И у вас такой же срок годности. Полезные ископаемые — кончатся через пятьдесят лет, экосистема дышит на ладан, а вы вместо того, чтобы объединяться и искать выход, смотрите в «Тик-Ток». Мы в отчаянии. Мы ищем хоть одного человека с правильным вектором, чтобы он дал толчок. Мы пришли к тебе. Но ты — ты смеёшься!

Веня перестал смеяться. Он вдруг почувствовал холод, идущий из глубины этого серого человека. Холод не физический — ментальный. Он пах отчаянием и бесконечной, слепой бюрократией. Перед ним сидел не Бог. Перед ним сидел канцелярский крыс, который уже семь раз провалил экзамен и боится начальника.

— Слушай, Планировщик, — сказал Веня, подавшись вперёд. — Ты хочешь, чтобы я поверил, что вы, высший разум, способный двигать материками, не можете договориться с нами? Вы не можете просто дать нам технологию или отключить наши дурацкие войны? Что вы там, в своём отделе, сидите и пишете планы, а когда план ломается, вините отдельную клетку, музыканта, который не хочет быть инженером? Это шиза. Вы сами — сбой.

Серый подскочил. Барная стойка между ними, казалось, исчезла — он оказался прямо перед лицом Вени, и его глаза горели белым.

— МОЛЧАТЬ! — крикнул он голосом, похожим на звук рвущегося металла. — КЛЕТКА НЕ ИМЕЕТ ПРАВА ОЦЕНИВАТЬ АРХИТЕКТОРА!

4.

И тут реальность дала сбой.

Время вокруг Вени растянулось, как жевательная резинка, которую тянут в разные стороны. Серый человек замер в прыжке, его рука, вытянутая для удара, зависла в миллиметре от лица Вени. Свет в баре превратился в спектр — все лампы засветились одновременно всеми цветами радуги, а потом схлопнулись в монохромный синий.

Веня почувствовал, что его сознание выворачивается наизнанку. Он больше не сидел на стуле — он парил в каком-то пространстве, состоящем из линий и цифр. Это были не цифры в обычном смысле — они напоминали нотный стан, только бесконечный. Каждая линия была траекторией частицы, каждая частица — событием. Он видел, как динозавры миллионы лет топчут мел, как их сметает огненный дождь. Видел, как из пепла выползают маленькие пушистые зверьки. Видел, как они становятся людьми. Видел войну, атомные грибы, затем ещё одну войну, затем руины, а затем — снова зверьки. Цикл.

И посреди этого великого чертежа, в центре невидимого листа, лежал документ. Настоящий, бумажный, с подписями и гербовой печатью. Веня не знал, как он это читает, но читал: «Проект № 8 (Земля-Терра). Параметры экосистемы: допустимый порог отклонения — 0,0001%. Фактическое отклонение — 2,7%. Критический перегрев. Ожидаемое истощение лития, редкоземельных металлов — 2076 год. Рекомендация: перезагрузка. Исполнитель: сектор Гамма-Два. Примечание: субъект Самохвалов В.И. отклонён от проектной траектории. Считать неперспективным. Утилизировать.»

А внизу, карандашом, который пах пылью и чем-то нечеловечески далёким, была приписка другим почерком — крупным, размашистым, почти истеричным: «Сбой версии 8.0. Не сходится квадрат. Мы не знаем, как считать любовь и музыку. Ошибка в уравнении сознания. Перезагрузка не даст гарантий. Нужен новый подход. Срочно связаться с Высшим Кругом. Но Высший Круг молчит уже сорок тысяч лет...»

Веня прочитал это и понял, что мир гигантов, Планировщиков, надзирателей — такой же безответный, как и его собственная жизнь. Они тоже ждут ответа. И никто не отвечает.

Он посмотрел на серого человека, который застыл в агрессивной позе. В этом застывшем крике Веня вдруг разглядел испуг. Обыкновенный, смертный испуг мелкого чиновника, который потерял папку.

— Эй, — сказал Веня в пустоте. — Ты не хозяин. Ты такой же долбанный винтик, как и я. Только у меня есть гитара, а у тебя — только отчёт.

5.

Время схлопнулось с грохотом, похожим на разрыв гитарной струны.

Веня лежал на полу за барной стойкой. Голова гудела, во рту — привкус железа. Бармен Геннадий навис над ним с тряпкой.

— Веня, ты чего? Опять перебрал? Ты как рухнул, я аж испугался.

— Где серый? — прохрипел Веня, садясь и оглядываясь.

— Какой серый? Ты пришёл один. Заказал виски, выпил, потом устал в стену и начал бормотать про цивилизации. Я хотел тебя вытрезвлять, но ты сам свалился со стула. Никого тут не было.

Веня посмотрел на соседний стул. Там лежала серый шарф. Обычный, шерстяной, ничем не примечательный. Веня схватил его, понюхал — пахло озоном и старой бумагой. Он сунул шарф в карман куртки.

— Ген, налей мне минералки, — сказал он, поднимаясь и отряхивая колени. — И не рассказывай никому, что я тут с дуба рухнул.

Он вышел на мороз. Ночь была ясной, звёзды висели низко, как электрические лампочки в гирлянде. Теперь он знал — они не просто висят. Они — это глаза надзирателей. Но Веня больше не боялся. Он чувствовал что-то новое — почти любопытство.

Он достал телефон, набрал номер своего басиста, Колю.

— Алло, Колян. Слушай, я завтра не приду на репетицию. Нет, я не в запое. Я пишу песню. Она будет о том, что у бога тоже есть начальник. И что мы все — перезагрузка, которую никто не хочет делать. Ты ведь знаешь, я никогда не врал про музыку. Эта песня — самая важная. Потому что я впервые понял: мы не одни. И это не радует, и не пугает. Это просто факт. Как то, что нам осталось жить на этой планете лет пятьдесят, если продолжим сжигать нефть. Но пока звучит фа-диез, у нас есть шанс. Хотя бы — сказать им, что они все — лохи.

Он нажал «отбой» и посмотрел на небо. В одной из звёзд ему почудилось мигание — странное, ритмичное, как азбука Морзе. Веня ухмыльнулся, достал сигарету, прикурил и медленно, смакуя, выпустил дым прямо вверх, в сторону этой звезды.

— Передайте вашему Высшему Кругу, — сказал он вслух. — Что Веня Самохвалов, музыкант, житель планеты Земля, срок годности которой истекает, не собирается утилизироваться. Если надо — я сам буду планировать. У меня хотя бы есть вкус.

Он зашёл в подворотню, нашёл там разбитую гитару — кто-то выбросил старую «классику» с оборванными струнами. Веня поднял её, провёл пальцем по грифу и наиграл одинокий, дрожащий звук. В этом звуке было всё: и страх, и надежда, и злоба, и любовь. Всё то, что не умели считать Планировщики.

— Придурки, — прошептал он, и пошёл в ночь, нащупывая в кармане серый шарф — единственное доказательство того, что разговор не был плодом его помутнённого сознания.

А где-то над Москвой, в том самом слое, где время течёт в обе стороны, сотрудник сектора Гамма-Два сидел за пультом и нервно протирал очки. Он только что получил сообщение от Высшего Круга. Там было всего три слова: «Наблюдайте. Не вмешивайтесь.» И он знал, что это — самый страшный приговор для его карьеры. Потому что если Высший Круг сказал «не вмешивайтесь», значит, они сами не знают, что делать. И впервые за сорок тысяч лет Планировщик почувствовал то, что люди называли ужасом.

В баре «Кошмар» бармен выключил неон и посмотрел на пустой стакан, из которого пил странный посетитель. На дне стакана осталась надпись, выцарапанная ногтем: «Спасибо за игру. Играем дальше.»

Глава 2. Гравитация между нот

1.

Утро после встречи с Планировщиком встретило Веню неласковым, болезненно-ярким светом, пробивающимся сквозь занавески из дешёвого синтетического тюля. Он лежал на продавленном диване в съёмной квартире на окраине Москвы, глядя в потолок, где трещина причудливо повторяла очертания Африки. Голова гудела от вчерашнего суррогата, но внутри, под этим привычным физическим страданием, разрасталась пустота совершенно иного рода. Это была не алкогольная амнезия — это было ощущение, что из него вынули часть личности и заменили её холодным, чужим знанием.

Серый шарф лежал на стуле. Веня уже проверил его на всякий случай, но шарф оставался просто шарфом. Он не светился, не излучал радиацию, не пах озоном сильнее, чем вчера. Однако стоило Вене отвернуться, и он чувствовал, как та вещь притягивает его взгляд, как магнит — стальную стружку. Она была порталом. Доказательством, что вчерашний бред был не бредом.

— Ладно, — сказал он вслух и сам удивился хрипote своего голоса. — Значит, у меня есть шарф от Бога. Теперь нужна гитара.

Он встал, с трудом доковылял до ванной, посмотрел на себя в зеркало. Оттуда глядел не рок-музыкант, а опухший, небритый, испуганный человек лет сорока, хотя ему было всего тридцать два. Веня улыбнулся зеркалу, натянув кожу на зубы.

— Ты чего испугался? — спросил он у отражения. — Тебе дали прямой доступ к администратору вселенной, а ты выглядишь как заяц, который обоссался в поле. Соберись, Самохвалов.

Он умылся ледяной водой, выпил пол-литра кефира, который нашёл в холодильнике с истекшим сроком годности, и сел за свой рабочий стол, заваленный нотами, пустыми пачками из-под сигарет и черновиками текстов. Взял акустическую гитару — старую, потёртую, с наклейкой группы «Кино» на деке — и провёл пальцем по струнам.

Звук был чистым. Слишком чистым. Как будто кто-то настроил гитару с микроскопической точностью, выверяя каждую сотую герца. Веня никогда не держал строй так идеально. Он посмотрел на колки — никто их не крутил. И тут его осенило.

— Это ты, да? — тихо спросил он, обращаясь к пустоте. — Слушаешь?

Никакого ответа. Только струны чуть заметно загудели, хотя Веня их не касался. Гул был на частоте, которая почти не слышна ухом — её можно было скорее почувствовать костями черепа.

— Ты не можешь говорить, да? — продолжал Веня, и в его голосе проскользнула странная смесь наглости и сочувствия. — Тебя понизили в должности. За вчерашний скандал. Теперь ты только слушаешь. Как шпион на прослушке. Я угадал?

Гул усилился на долю секунды и стих. Веня ухмыльнулся.

— Значит, угадал. Чувак, ты мне уже нравишься больше. Без всего этого пафоса. Так и будем общаться: ты гуди, а я буду переводить. Если я прав — одна нота. Если нет — пауза. Договорились?

Пауза. Веня ждал. Потом тишина раскололась одной нотой — «до» малой октавы. Веня рассмеялся.

— А ты находчивый. Ладно, поехали.

Он взял карандаш и начал записывать.

2.

Первые два часа Веня пытал Планировщика вопросами о том, как устроена вселенная. Он узнал, что время — это не линейная стрела, а сложный трёхмерный объект, похожий на губку, и что Планировщики существуют не «внутри» времени, а «между» его ячейками. Он узнал, что гравитация — это побочный эффект информационного обмена между параллельными слоями реальности, и что тёмная материя — это просто архив ненужных данных, которые никто не хочет удалять.

— Так вы, получается, не физики, — сказал Веня, откладывая гитару и закуривая. — Вы — программисты. Вы просто написали код, запустили его, и он работает. Динозавры, астероиды, человеки — это всё баги и фичи.

Одна нота: «соль-диез». Согласие.

— Тогда почему вы не можете починить нас? Мы же жрём ресурсы, как саранча. Я вчера почитал про полезные ископаемые, пока ты гудел. Через сто лет — всё. Медь, литий, нефть, даже песок для бетона — всё под ноль. Экосистема коллапсирует. Учёные говорят, что восстановление займёт миллионы лет, а у нас нет миллионов. Мы вымрем. И ваш восьмой проект снова провалится.

Две ноты: «фа» и «соль». Но они прозвучали с такой горечью, что Веня вздрогнул. Это был не просто ответ — это была эмоция. Отчаяние.

— Вы не можете вмешаться, да? — догадался Веня. — Прямая правка запрещена. Вы только создаёте начальные условия, а дальше — эволюция. Как в симуляции. Вы можете нажать «перезагрузка», но не можете починить баг в рантайме. Потому что если вы влезете, нарушите сам принцип. Так?

«Соль-диез». Снова.

— Но вы же можете перезагрузить нас, — прошептал Веня. — Стереть всё и начать с амёб. Девятый проект. Просто не дайте нам шанса дойти до ядерной бомбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.